

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б25

Серия «Криминальные романы Линвуда Баркли»

Linwood Barclay
TRUST YOUR EYES

Перевод с английского *И.Л. Моничева*

Компьютерный дизайн *Я.В. Паламарчук*

Печатается с разрешения Barclay Perspectives Inc.
и литературных агентств The Helen Heller Agency
и The Marsh Agency Ltd.

Баркли, Линвуд.

Б25 Поверь своим глазам : [роман] / Линвуд Баркли ; [пер. с англ. И. Л. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 608 с. — (Криминальные романы Линвуда Баркли).

ISBN 978-5-17-110126-8

Томас Килбрайт болен и редко покидает дом. Его единственная страсть — виртуальные путешествия по городам мира. Во время одной из таких компьютерных прогулок по Нью-Йорку он случайно видит записанную камерой сцену жестокого убийства.

Томас сообщает об этом старшему брату Рэю, но тот поднимает его на смех. Однако, уступив просьбам Томаса, все-таки пытается выяснить, что на самом деле увидел брат. Вскоре Рэй приходит к выводу: действительно, было совершено убийство, причем за ним стоят очень влиятельные люди города.

Отныне Томасу и Рэю грозит смертельная опасность...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Linwood Barclay, 2012
© Перевод. И.Л. Моничев, 2013
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-110126-8

ПРОЛОГ

Он свернул на Очард-стрит и посмотрел в окно именно в тот момент по чистой случайности. Ведь это запросто могло произойти неделю, месяц или даже год спустя. Но оказалось, что он сделал это в тот самый день.

Разумеется, когда-то ему все равно суждено было оказаться здесь. Рано или поздно, потому что, попадая в новый город, он прочесывал все его улицы до единой. Причем всегда начинал осмотр с твердым намерением строго придерживаться одной и той же схемы — проходить улицу от начала до конца, а потом пересекать квартал и возвращаться по параллельной, как покупатель ходит между рядами товаров в супермаркете. Но затем он попадал на перекресток, где что-то привлекало его внимание, и первоначальный план оказывался забыт.

И тот же казус случился с ним на Манхэттене, хотя из всех городов, которые ему доводилось посещать, именно Нью-Йорк в наибольшей степени подходил для методичного обследования, по крайней мере та его часть, что располагалась к северу от Четырнадцатой улицы, — четко распланированная решетка из улиц и авеню. К югу отсюда, стоило попасть в Уэст-Виллидж, Гринвич-Виллидж, Сохо или Китайский

квартал, возникал хаос, но это его нисколько не беспокоило. Уж ничем не хуже Лондона, Рима или Парижа и даже бостонского Норт-Энда, а ему понравилось осматривать все эти города.

Он свернул к югу на Очард-стрит с Деланси-стрит, хотя начал прогулку еще от угла Спринг и Малберри. Затем проследовал на юг до Гранд, на запад до Кросби, вернулся севернее на Принс, далее к востоку до Элизабет, к югу до Кенмар, потом опять стал перемещаться восточнее и долго двигался по Деланси, а добравшись до Очард-стрит, решил взять вправо.

Это была красивая улица. Не в смысле обилия цветов и фонтанов или пышных крон деревьев, обрамлявших ее по обеим сторонам. Не такая красивая, как улица Ваца в Будапеште, парижские Елисейские Поля или Ломбард-стрит в Сан-Франциско. Нет, ее очарование заключалось в какой-то особой атмосфере и оригинальном историческом колорите. Узкая, с односторонним движением в северном направлении. Старые кирпичные доходные дома, из которых лишь немногие имели пять этажей, а большинство были трех- или четырехэтажными, возведенными полтора столетия назад. Эти здания, к фасадам которых лепились металлические скелеты пожарных лестниц, отражали псевдоитальянский стиль, столь популярный в середине и конце XIX века, с арками над проемами окон, с выступающими наружу каменными перемычками, с резными орнаментальными украшениями в виде листьев.

На первых этажах располагались вошедшие с недавних пор в моду заведения: от стильных

Хотя попадались и старожилы, более привычные и знакомые: магазинчик, торговавший разного рода униформой, агентство недвижимости, салон-парикмахерская, художественная галерея и лавка, продававшая чемоданы и дорожные сумки. Те, что были временно закрыты, как правило, надежно защищали опущенные стальные двери-жалюзи.

Он продолжил путь прямо посреди мостовой, не обращая внимания на проезжавшие мимо машины. Сейчас они не были для него проблемой. Уже давно он заметил, насколько лучше можно прочувствовать обстановку, если двигаться по проезжей части. Это давало наблюдателю несомненные преимущества. Ты мог смотреть вперед, по сторонам или даже совершить полный разворот на триста шестьдесят градусов — и снова окинуть взором то место, которое недавно миновал. Владеть всей полнотой информации о своем местонахождении и открывавшихся возможностях всегда важно.

Поскольку интересовался он главным образом городской застройкой — архитектурой, планировкой, инфраструктурой, — на людей, попадавшихся ему в пути, он почти не реагировал. И в разговоры не вступал. Ему, например, было совершенно не интересно поздороваться с рыжеволосой дамой, стоявшей на углу с сигаретой. Он даже не пытался понять, какое послание окружающим содержит ее манера одеваться: кожаная куртка, мини-юбка и черные колготки, петли на которых словно намеренно спущены. Как не собирався он выяснить мнение спортивного вида женщины в черной бейсболке,

стремительно пересекавшей улицу прямо перед ним, о перспективах «Янкис» в нынешнем сезоне. Сам он никогда не смотрел бейсбольных матчей и понятия не имел, что происходит в мире спорта. Точно так же он не узнал, почему большая группа людей с путеводителями, торчащими из карманов, сгрудилась вокруг некой дамы и внимает ее словам, хотя, как он догадывался, это была всего лишь экскурсия, а дама — гидом.

Добравшись до Брум-стрит, он заметил на углу симпатичный ресторан с небольшими белыми столиками и желтыми пластиковыми креслами, выставленными прямо на тротуар. Но снаружи никто не сидел. Плакат в витрине гласил: «Зайдите и согрейтесь!» Он приблизился и приоткрыл дверь, чтобы посмотреть сквозь стекло к людям, пьющим кофе, работающим за портативными компьютерами или читающим газеты.

В ресторанной витрине он снова заметил отражение автомобиля, который попадался ему и прежде во время путешествий. Похоже, «хонда-сивик». Заурядная машина, если не считать какого-то прибора на крыше. Он уже видел ее неоднократно. И если бы не знал, что это в принципе невозможно, решил бы, что за ним следят. Выбросив подобные мысли из головы, он снова стал вглядываться в интерьер ресторана.

Жаль, что нельзя зайти и заказать чашечку латте или капучино. Он почти ощущал аромат кофе. Но нужно двигаться дальше. Ему предстояло еще столько всего увидеть, а времени оставалось мало. Завтра он планировал побывать в Монреале, а потом, в зависимости

от того, как много успеет сделать там, через день перебраться, вероятно, в Мадрид.

Но это место он запомнит. Плакат в витрине, столики и кресла на тротуаре. Другие заведения вдоль Очард-стрит. Узкие проходы между зданиями. Как и все замеченное им на Спринг и Малберри, Гранд и Кросби, Принс и Элизабет, Кенмар и Деланси.

Запомнит все.

Он успел удалиться на треть квартала от перекрестка с Брум-стрит, когда бросил тот самый взгляд вверх.

Казалось, вот тут-то и сыграл свою роль элемент случайности. Заключался же он вовсе не в том, что он как раз появился на Очард-стрит. Необычным был сам по себе факт, что он посмотрел поверх витрин магазинов. С ним такое происходило крайне редко. Обычно он изучал различного рода учреждения, читал вывешенную снаружи информацию, наблюдал за людьми сквозь витрины кафе, запоминал номера домов, но далеко не всегда поднимал взгляд выше первого или второго этажа. Порой забывал об этом, но чаще слишком торопился. Вот почему он мог запросто пройти дальше вдоль улицы, так и не заметив именно того окна именно в том многоквартирном доме.

Но существовала вероятность, подумал он, что случайность здесь ни при чем. Наверное, ему было заранее предопределено посмотреть в то окно. Может, столь странным образом его подвергали проверке, чтобы удостовериться, готов ли он, пусть сам он был в этом совершенно уверен. Однако те, кто хотел использовать его незаурядные способности, не были,

видимо, убеждены, стоит ли брать его в свою команду.

Окно располагалось на третьем этаже над магазином, торговавшим сигаретами и периодикой (в его витрине снова отразилась та самая машина), и бутиком. Окно делилось горизонтальной рамой на две части. Половину нижней из них занимал торчавший наружу кондиционер. Но его внимание привлекло нечто белое поверх кондиционера.

Поначалу показалось, будто это вырезанная из пенопласта голова, какие в небольших универмагах и парикмахерских используют для демонстрации париков. «Какая глупая идея — выставить болванку из-под парика в окне квартиры», — подумал он. Лысая, лишенная каких-либо черт лица голова смотрела вверх Очард-стрит. Впрочем, чего только не увидишь в окнах такого города, как Нью-Йорк! Будь этот предмет его собственным, он, по крайней мере, нацепил бы на него солнцезащитные очки, чтобы сделать чуть более похожим на голову человека. Проявил бы хоть немного фантазии. Правда, большинство людей не считали его наделенным богатым воображением.

Но чем дольше он всматривался, тем менее был уверен, что перед ним белая пенопластовая голова. Ее поверхность для этого выглядела слишком блестящей и вроде бы даже скользкой. Больше похоже на целлофан, из которого делают пакеты для продуктов из специализированных магазинов или для белья, предназначенного для сдачи в химчистку.

Он попытался взглянуть пристальнее.

Занятно, но и при более внимательном рассмотрении этот белый и почти круглый

предмет в окне все равно формой напоминал человеческую голову. Искусственный материал натянулся поверх выступа, который мог быть только носом. Он плотно облепил нечто похожее на лоб вверху и подбородок — внизу. Можно было даже различить очертания рта и губы, округлившиеся в попытке сделать вдох.

Или в крике.

Это выглядело так, словно кому-то на голову натянули белый чулок. Но блеск материала все же подсказывал, что это, наверное, полиэтилен.

Не слишком-то умный поступок — напялить себе на голову пластиковый пакет. Дурачась подобным образом, можно и задохнуться.

При этом человек должен еще как-то изловчиться и тянуть за ручки пакета сзади, чтобы он с такой силой обтянул лицо. Но вот только рук человека снизу не было видно.

И это заставило задуматься: уж не делает ли этого кто-то другой?

О нет! Нет!

Что же он сейчас наблюдал? Как кто-то натянул целлофановый пакет на голову другому человеку? Полностью перекрыв дыхание? Чтобы задушить? Не потому ли создавалось впечатление, будто рот жертвы жадно ловит воздух? С кем же такое творили? С мужчиной? С женщиной?

Внезапно он вспомнил о мальчике в окне. Совершенно другом окне. Много лет назад.

Но человек, которого он видел в окне сейчас, не напоминал мальчика или девочку. Это был взрослый. Взрослый, чья жизнь покидала его. Теперь это выглядело со стороны именно так.

Он почувствовал, как сердце стало биться чаще. В своих путешествиях ему уже доводилось видеть всякое. Иногда что-то странное. Но то были мелочи в сравнении с этим зрелищем. Становиться свидетелем убийства ему пока не случалось. А в том, что он видел, как совершается убийство, не оставалось сомнений.

Но он не закричал. Не полез в карман пиджака за сотовым телефоном, чтобы набрать «девять-один-один». Не забежал в соседний магазин, чтобы кто-то другой вызвал полицию. И не бросился сам в тот дом, чтобы, преодолев несколько лестничных пролетов, попытаться остановить происходившее за окном третьего этажа.

Он лишь в задумчивости протянул руку, словно мог прикоснуться к лицу погибавшего от удушья, пощупать, что именно облепило его голову, сообразить, как... И может, тогда ему станет ясно, что же приключилось с этим человеком...

Его настолько поглотило созерцание сцены в окне, что он не сразу услышал, как кто-то попытался привлечь его внимание. Кто-то стоявший по ту сторону двери.

Потом он снял пальцы с компьютерной «мышь», резко развернулся в своем мягком рабочем кресле и спросил:

— Ну? В чем дело?

Дверь приоткрылась, и из коридора позвали:

— Тащи свою задницу вниз, Томас. Пора поесть.

— А что у нас на ужин? — спросил он.

— Гамбургеры с гриля.

Мужчина, сидевший в кресле у компьютера, произнес:

— Хорошо. Иду.

Он снова повернулся и взгляделся в кадр с окном, застывший на огромном мониторе. Размытое белое изображение обмотанной головы. Нечто призрачное. Видел ли это хоть кто-нибудь в то время? Поднял ли хоть кто-то взгляд?

Вот мальчика в окне не видел никто. Никто не посмотрел вверх. Никто не пришел ему на помощь.

Мужчина оставил изображение на экране, чтобы изучить его детальнее после ужина. И уже тогда решить, что следует предпринять.

1

Двумя неделями ранее

— Заходи, заходи, Рэй!

Гарри Пейтон пожал мне руку и провел в свой кабинет в юридической фирме, указав на красное кожаное кресло рядом с письменным столом. Будучи примерно ровесником отца, он выглядел на несколько лет моложе, чем папа в последнее время. При росте в шесть футов он был строен и подтянут, а голова блестела, как арбуз. Лысый череп некоторых мужчин старит, но только не Гарри. Он был любителем бега на длинные дистанции, и дорогие костюмы сидели на нем как влитые. Его рабочий стол свидетельствовал о страсти к порядку. Монитор компьютера, клавиатура, смартфон последней модели. И всего одна папка с бумагами. Остальная поверхность стола чиста, как холст, на который живописец еще не успел положить даже первый мазок.

— Еще раз прими мои соболезнования, — вздохнул Гарри. — О твоём отце можно было бы говорить часами, но преподобный Клэйтон сумел изложить все превосходно, хотя и кратко. Адам Килбрайд был очень хорошим человеком.

Я выдавил улыбку:

— Да, священник превосходно справился со своей задачей, если учесть, что с моим

отцом он не встречался ни разу. Папа ведь в церковь вообще не заглядывал. Так что нам, наверное, повезло, когда нашелся хоть кто-то, чтобы провести церемонию. Спасибо, что пришли на похороны. С вами мы почти дотянули до дюжины.

Проводить отца в последний путь собрались одиннадцать человек, включая священника и меня самого. Еще там были Гарри и трое папиных сослуживцев из компании во главе с бывшим боссом Леном Прентисом, захватившим с собой жену Мари. Кроме того, присутствовал приятель отца, у которого когда-то был свой магазин хозяйственных товаров в Промис-Фоллз, но он разорился, не выдержав конкуренции с открывшимся на окраине «Хоум депо»*. Из Кливленда приехали младший брат отца Тед с женой Робертой. Еще была соседка Ханна, чьей фамилии я так и не узнал, и Джули Макгил, с которой мы с Томасом учились когда-то в школе, ставшая теперь репортером местной газеты «Промис-Фоллз стандарт». Она поместила заметку о несчастье, случившемся с отцом, но о похоронах ничего писать не собиралась. Трагическая гибель папы стоила нескольких строк, но ведь он не являлся одним из столпов местного общества или президентом отделения «Ротари-клуба», и его смерть не наделала достаточно шума, чтобы освещать церемонию прощания в прессе. А потому Джули пришла лишь отдать дань уважения покойному, только и всего.

После поминок у сотрудников похоронного бюро осталось множество лишних бутербродов с

* Крупнейшая в США сеть хозяйственных супермаркетов. — *Здесь и далее примеч. пер.*

яичным салатом. И они настояли, чтобы я забрал их с собой для своего брата. Конечно, я объяснил его отсутствие недомоганием, но никто (из тех, разумеется, кто моего брата знал) мне не поверил. На обратном пути я с трудом поборол искушение выбросить сэндвичи в окно машины, чтобы они достались птицам, а не моему братишке, но все-таки довез еду до дома, и она была благополучно им съедена.

— А я так надеялся, что твой брат все же появится, — сказал Гарри. — Давненько я не видел его.

Мне сначала показалось, будто речь идет о нашей нынешней встрече, и тогда это звучало странно, поскольку брат не мог быть душеприказчиком отца, но потом я сообразил, что Гарри имел в виду похороны.

— Ничего не смог поделаться, как ни старался, — произнес я. — На самом деле он не был болен.

— Я догадался.

— Как я его ни уговаривал, все оказалось тщетно.

Пейтон сочувственно покачал головой:

— А ведь твой отец так старался окружить его заботой. Не меньше, чем Роуз, ваша мама, упокой ее душу, Господи! Сколько лет ее уже нет с нами?

— Она умерла в 2005 году.

— Вот, очевидно, когда ему стало трудно с ним управляться.

— В то время он еще работал в «Пи энд Эл», — заметил я, имея в виду типографию «Прентис энд Лонг». — И мне кажется, по-настоящему тяжело отцу стало только после преждевременного выхода на пенсию. Приходилось все время

14 проводить дома, и это его мучило, хотя он

был не из тех мужчин, которые устраняются от решения проблем. — Я закусил губу. — Мама... Она умела от всего абстрагироваться. Принимала ситуацию как должное, но для отца это оказалось гораздо сложнее.

— Адам был еще не старым, — заметил Гарри. — Боже! Всего шестьдесят два. Весть о его гибели меня как громом поразила.

— Меня тоже, — кивнул я. — А ведь мама годами твердила ему, что косить траву вдоль того склона на тракторе очень опасно. Но он лишь отмахивался. Мол, я знаю, что делаю, не лезь. И что его только туда тянуло? Это самый отдаленный от дома край их участка земли. Его не видно ни с дороги, ни из домов. Уклон в сторону оврага почти в сорок пять градусов. И все равно отец упрямо косил там на тракторе, проходя вдоль склона и используя свое тело как противовес, чтобы машина не перевернулась.

— Как думаешь, Рэй, сколько твой отец пролежал там, пока его нашли?

— Папа отправился косить, вероятно, сразу после обеда, а обнаружили его в шесть часов вечера. Когда трактор опрокинулся и накрыл его сверху, руль пришелся как раз в это место, — я указал на свой желудок, — раздавив ему все внутренности.

— Боже милостивый! — Гарри машинально положил руку себе на живот, словно пытаясь вообразить, какую безумную боль должен был испытывать отец.

Я же не мог ничего к этому добавить.

— Он был на год моложе меня, — продолжил Гарри. — Мы иногда встречались с ним, чтобы пропустить по стаканчику. А пока